

Место раскопа фотографируется с разных точек до, во время и после раскопа. Разбивается несколько квадратов два на два метра, вбиваются колышки, аккуратно снимается и складируется дёрн, если раскоп в лесу. Находки необходимо задокументировать, сфотографировать лежащими в земле с обязательным масштабированием и указанием точных координат находки. После раскопок ямы обязательно требуется засыпать и уложить сверху снятый дёрн. Регламент работ очень строгий, нарушать его ни в коем случае нельзя, единственное, что можно, — найти на последок трактор, чтобы не закапывать ямы (порой очень глубокие) вручную.

Да и копают землю археологи не на полный штык, как огородники или мородёры. Грунт снимается тоненькими, в несколько миллиметров, слоями, очень аккуратно, буквально кончиком штыка. Копать приходится не до находки, а до так называемого «материка» — слоя грунта, не тронутого раскопками, а он может находиться на глубине и два, и три, и 10 метров, в зависимости от толщины культурного слоя. Мало того — все стены раскопа должны быть идеально ровными для снятия стратиграфии — зарисовки расположения культурных слоёв. Делается стратиграфия на миллиметровой чертёжной бумаге, тоже с обязательным масштабированием.

Этим наша компания из трёх человек и занималась. Работая под нудным моросящим дождём, мы за два дня перекидали в общей сложности двадцать четыре кубометра земли (могли бы и больше, но световой день был короток).

Судя по плану, чаша и блюдо из серебра были спрятаны под деревянным лотком, по которому в лог убирались нечистоты из конюшни и курятника. Раскоп нам пришлось разбивать довольно большой — из шести квадратов, иначе вероятность попасть на этот лоток была мизерной. И мы его обнаружили на глубине почти ста семидесяти сантиметров. Эта дренажная система, как ни странно, продолжала функционировать и под землёй — когда мы докопались до полусгнивших досок, вода, сочащаяся из стен раскопа, начала стекать в лоток.

В снятом грунте отчётливо выделялось тёмное пятно, уходящее под лоток.

Такая чернота свидетельствует о вмешательстве человека. Неужели здесь — клад?! Попытались прозвонить металлодетектором, но в насквозь мокрой земле от него проку нет. Минут пятнадцать потребовалось, чтобы убрать эту черноту до рыжего «материка».

Пусто.

Мы ничего не нашли. Убегающий с белогвардейцами купец прятал добро по-быстрому, чтобы, вернувшись, легко было отыскать (тогда все надеялись, что большевики у власти долго не продержатся). Ныне достоверно известно о трёх официально найденных кладах, так что есть высокая доля вероятности, что остальные найдены были тайком.

Во-первых, клад купца для жителей Чердыни — секрет Полишинеля, и почти все местные, подходившие к раскопу, спрашивали: «Клад ищете?» Приходилось юлить и говорить, будто определяем границы памятника (Чердынь и впрямь старинный городок, археологических памятников много, копать там ещё долго). Во-вторых, как уже упоминалось, несколько кладов были найдены до 1970-х годов. Не факт, что сообщалось обо всех находках, тем паче что до 1920 года в Пермской губернии вообще была смутная политическая обстановка, власть сменялась легко и кроваво, и события если и документировались, то крайне нерегулярно и недостоверно. Возможно, сокровища Сасанидов уже были найдены какими-нибудь крестьянином или красноармейцем.

Найдки археолога — не «золотобриллианты», не золотой шлем Александра Македонского. Большой частью это бусинки, осколки посуды, щепки и кости, рутина и бумажки. Но именно в этой рутине и заключается соль. Именно в буднях прячется, как под слоем грунта, самое главное, на что внимание можно обратить только через несколько веков.

Хотите испытать настоящее приключение? Запишитесь в археологическую экспедицию, пусть даже и копальщиком. Гарантирую путешествие во времени, азарт первоходца и здоровую мускулатуру.

Алексей Лукьянов